

НЕКОТОРЫХ СТРУКТУРНЫХ ПРОБЛЕМАХ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Николай Митрохин

1. *Майкл Буравой выделяет профессиональную, или академическую (professional), критическую (critical), прикладную, или заказную (policy), и публичную (public) социологию по типам основных задач и потребителей социологического знания. Как вы считаете, помогает ли такая типология понять ситуацию, сложившуюся в современной российской социологии? Каково соотношение этих четырех типов социологии в России?*

Я соглашусь с приведенными в статье Буравого цитатами из выступлений его оппонентов. На деле южноафриканский и американский подходы не противоречат друг другу. Социология — публичная наука, базирующаяся, как и каждая наука, на критической оценке полученного материала и безусловно оказывающая влияние на общество. Однако заниматься ею должны профессионалы. Любительство в науке возможно, но чревато бессмысленной тратой общественного и личного капитала. Сами же общественные науки, конечно, можно использовать для изменения общества, и было бы странно утверждать, что они (и социология в частности) не предназначены для этого самим фактом своего существования. Критика — имманентно присущая им черта, которая может восприниматься объектами изучения более или менее остро. Факт существования прикладных социологических исследований также неоспорим, однако существуют обширные области, где заданная дефиниция туманна. Исследование о наличии холодильников среди определенной социальной группы может быть интересно и фирме-производителю, и людям, которые пытаются описать данную группу как социальный феномен в настоящем либо десятилетия спустя. Таким образом, я не вижу смысла в предложенной Буравым систематизации. Тональность, в которой он делает подобную систематизацию, заставляет предположить, что мы видим перед собой типичный для академической среды 1960-х годов феномен левого (сильно левого) интеллектуала, не удовлетворенного своими попытками превратить университетскую кафедру в политическую трибуну.

2. *Что способствует, а что препятствует развитию социологии и — шире — социальных наук в России? Являются ли эти факторы специфически российскими?*

То же, что препятствует развитию науки в России в целом:

А) Сравнительно низкий социальный статус ученого и университетского преподавателя, что выражается в крайне низких (до недавнего времени) зарплатах, с одной стороны, и, с другой — «давление рынка», на котором молодые ученые востребованы в качестве гуманитариев широкого профиля (государственное управление, журналистика, реклама, PR, общественные и экспертные организации). Это имеет несколько существенных последствий:

— низкая реальная конкуренция за подобные рабочие места;

Николай Александрович Митрохин. Адрес для переписки: Nikolay Mitrokhin, Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Klagenfurter Straße 3, 28359 Bremen, Германия. mitrokhin@uni-bremen.de.

— закрепление лидерских позиций (зав. кафедрами, деканы факультетов, заведующие отделами в институтах) за «поколением перестройки» — теми учеными и преподавателями, кто скинул на рубеже 1980–1990-х годов прежнее начальство, чтобы вот уже почти 20 лет сидеть на его месте;

— уход подготовленных в аспирантуре ученых в бизнес и госуправление;

— миграция (из периферии в центр) и эмиграция наиболее перспективных студентов, аспирантов и молодых специалистов;

— разрыв научных поколений в рамках кафедр (отделов): с одной стороны 55–65-летний зав. кафедрой (отделом) и поддерживающее его большинство членов кафедры предпенсионного и пенсионного возраста, с другой — только что вышедшие из аспирантуры специалисты, на которых к тому же стараются взвалить тяжелую, малоприятную и малооплачиваемую часть работы;

— жесткий контроль зав. кафедрой над зарубежными поездками, грантами, контактами с иностранными коллегами, рассмотрение молодых специалистов в качестве перманентных «должников» (отказы подписывать рекомендации для стипендий и грантов, требования «делиться» самостоятельно полученными грантами);

— аналогичная ситуация повторяется и во многих «международных» проектах, проводимых под эгидой независимых научных и общественных институций: в них, безусловно, выше уровень общей подготовки самого руководителя, зато жестче финансовые условия;

— в 2000-е годы (во всяком случае в крупных городах) обнаружилась новая проблема: высокая востребованность рынком труда рабочих рук молодых специалистов и фактическое отсутствие стипендий приводят к тому, что подавляющее большинство студентов начинают со второго курса работать, и у них нет времени заинтересоваться научной деятельностью как таковой. Все это существенно влияет на возможности использования кафедрами студентов как традиционной бесплатной рабочей силы при научных исследованиях, требующих невысокой квалификации (социология, особенно количественная, нуждается в этом в первую очередь), уничтожает студенческую научную жизнь как таковую, резко сужает уровень подготовки (студенты готовы читать только ту литературу, которая крайне необходима для курса) и отбивает стимул к поступлению в аспирантуру. И чем крупнее и престижнее вуз, тем заметнее это явление.

Б) Плохая языковая подготовка в вузах, что препятствует чтению актуальной (непереведенной) литературы, установлению самостоятельных международных контактов, поездкам на конференции и стажировки.

В) Малые тиражи при большом количестве наименований переведенной актуальной социологической литературы, отсутствие национальной сети по ее распространению. Слабая обновляемость фондов научных библиотек. Получается, что специалист в Москве в идеале должен в год купить (иначе где он их потом найдет?) и прочитать примерно 20 томов только что изданных теоретических работ современных западных авторов (значительная часть из них реально остается на его полке нераскрытой). При этом тираж каждой из этих работ будет не более 2000 экземпляров, что практически исключает возможность попадания хотя бы трех-четырех из них в руки специалиста в Смоленске. А через два года, даже если тираж монографии не распродан, ее будет трудно купить, потому что книжные магазины, переполненные новыми изданиями, откажутся выставлять «старье». При этом отсутствует общая площадка, где можно было бы прочесть внятную рецензию на новинки.

Д) Низкий уровень обмена периферийными изданиями (препринтами, авторефератами кандидатских диссертаций) с Москвой и Питером.

Е) Очень низкий уровень преподавания в целом ряде вузов, в том числе на социологическом факультете МГУ.

Все эти факторы являются специфически если не российскими, то постсоветскими. В России и большинстве постсоветских государств не случилось революции в образовании, которая произошла в странах бывшего Восточного блока во второй половине 1990-х годов. Вместо существенного обновления кадров, принятия европейских образовательных методик, перехода на современную литературу, приглашения на временной основе иностранных преподавателей российское образование осталось во многом «советским».

Предоставленные самим себе бывшие преподаватели марксизма-ленинизма переименовали себя в социологов и антропологов и начали учить студентов по так или иначе дошедшим до них и как-то интерпретированным отдельным книгам русских философов первой трети XX века. При этом из-за немалых размеров страны и довольно многочисленного научного сообщества не только в Москве и Питере, но и в ряде регионов (Казань, Ульяновск, Иркутск) вокруг не столько сильных, сколько энергичных социологов с международными связями возникли достаточно перспективные и современно образованные группы. И, конечно, большое значение имеют Европейский университет и Смольный институт в Санкт-Петербурге и некоторые социологические кафедры ГУ ВШЭ и РГГУ (Москва).

Ё) Специфическим феноменом в постсоветской социологии стало «проектное мышление», с которым я сталкивался многократно при взаимодействии с самыми разными социологическими группами (и отдельными их представителями). В наиболее распространенной форме оно выглядит так. Руководитель, имеющий контакты с зарубежными или столичными фондами, выбивает для своей группы средства на проведение исследования — «проекта», по теме, которая в настоящее время в числе приоритетов фонда. Как правило, эти средства покрывают расходы группы на полгода-год, за которые она проводит опрос (фокус-группы), пишет финальный отчет и, быть может, публикует его отдельной брошюрой.

Проблема в том, что, как правило, социологи в подобных группах не являются специалистами по тематике, на которую им удалось «выбить» средства, поэтому исполнение проекта и особенно уровень анализа собранных материалов не дают никаких новых сведений о рассматриваемой проблеме. Собранный информация тривиальна, с точки зрения специалиста, и слабо коррелируется по формальным показателям с аналогичными исследованиями, проводящимися в других регионах или в другое время. При этом группы, работающие на основе «проектного мышления», как правило, вообще не видят проблемы в своем непрофессионализме и, наоборот, считают «профессионализмом» готовность и способность взяться за абсолютно любую тему. Передача накопленных ими в процессе разработки темы знаний научному сообществу в подобных исследованиях вообще не рассматривается как цель. Из этого следует низкое количество публикаций по итогам подобных проектов, относительно низкий интерес к публикации материалов проекта в общедоступных журналах и тому подобное. Впрочем, по всей видимости, большая часть людей с «проектным мышлением» осознает, что им просто нечего сказать широкой аудитории и особенно специалистам, потому они и не пытаются заинтересовать их результатами своей работы.

Вина тут отчасти лежит и на фондах, значительная часть которых из года в год видоизменяет программу приоритетов и поддерживает не интересные, а соответствующие программе на этот год проекты. Серьезным организациям и специалистам довольно сложно вписываться в эти постоянные изменения (и того сложнее вписать в них то, что реально интересует или кажется важным), в то время как мелкие социологические подрядчики с «проектным мышлением» с готовностью пишут заявку на любую предложенную тему.

3. Исходя из ваших представлений об основных профессиональных задачах социолога в современном российском обществе, как вы видите задачи и границы публичной социологии в России сегодня? Как эти задачи соотносятся с «публичными» вариантами «соседних» социальных наук — политологии, экономики, антропологии, истории?

Я не считаю, что в России есть публичная социология, отличная от обычной социологии. Есть ряд социологов, более востребованных массовыми СМИ (например, на регулярно публикующих результаты социологических исследований сайтах Газета.ру и Полит.ру). Есть ряд социологов, лоббирующих интересы тех или иных общественных, социальных, профессиональных групп или корпораций. Но там, где начинается лоббирование, скорее всего и заканчивается наука. На мой взгляд, ученый (и социолог в том числе) должен вести исследование, чтобы попытаться установить истину или хотя бы попробовать к ней приблизиться. Это не мешает ему выступить по какому-то общественно важному вопросу, однако, если он становится человеком, постоянно отстаивающим чьи-то интересы, он превращается в политика.

Владимир Рыжков, например, начинал как историк и сооснователь «Мемориала» на Алтае. Но он не именовал себя «публичным историком», когда стал депутатом. Валерий Тишков не был «публичным этнологом», когда был министром. А свою принадлежность к цеху он подтвердил написанием многих научных статей и хорошего исследования по Чечне.

4. *Ряд исследователей связывает отсутствие публичной социологии в России с недостаточной институционализацией и профессионализацией науки. Согласны ли вы с такой оценкой? Почему?*

В России есть довольно большой круг неплохо подготовленных профессиональных социологов.

5. *Можете ли вы назвать кого-то из российских коллег или организаций ярким представителем каждого из выделенных Майклом Буравым типов социологии либо представителем нескольких типов одновременно? К какому типу социологии вы относите собственную деятельность, и если к нескольким, то как в вашей работе сочетаются разные типы?*

Мои работы относятся к социологии религии. Их можно рассматривать с любой из предложенных Буравым точек зрения.

6. *Говорят ли что-нибудь о перспективах развития публичной социологии закрытие «старого» ВЦИОМ в 2003 году, «бунт студентов» на социологическом факультете МГУ и история с закрытием Европейского университета в СПб в феврале-марте 2008 года?*

Здесь «в одном флаконе» смешаны два типа историй: внутрикорпоративный скандал в МГУ и давление государства на негосударственные и оппозиционные по своей сути институции. Не заметно, чтобы эти истории привели к какому-либо усилению оппозиционности данных структур или появлению у них связей с организованной политической оппозицией. Сначала должна измениться ситуация на рынке труда, появиться безработные социологи (или студенты, у которых много свободного времени), и только потом можно развивать какие-то протестные формы изменения сложившейся ситуации.

7. *Считаете ли вы, что ситуация в российской социологии коренным образом отличается от конфигураций в других странах — не только мировых научных центрах вроде США или Франции, но и в странах «глобального Юга» или постсоветского пространства? Может ли социология оставаться национальной в ситуации, когда усиливаются глобализационные процессы в науке и обществе, а многие российские социологи принимают участие в сравнительных исследовательских проектах и / или работают и публикуются за границей?*

По сравнению с нашей наукой на значительной части постсоветского пространства (Центральная Азия, Азербайджан, Армения и Белоруссия) социология в России развивается хорошо. По сравнению с Украиной проигрывает (во всяком случае в знакомых мне областях — анализ выборов и социология религии). В Грузии современная социологическая школа отсутствует, но проводящаяся там реформа образования неизбежно приведет к ее появлению. Германии или Штатам, ситуацию в которых я себе как-то представляю, российская социология в целом проигрывает сильно. Однако сфера, которой я занимаюсь, — социология религии — в лице двух-трех десятков ведущих специалистов выглядит на общемировом фоне не так плохо.

Другое дело, что на всю Россию есть два-три десятка неплохих «глобализированных» социологов религии (они же разнообразия ради могут именоваться антропологами или религиоведами), активно печатающихся в значимых изданиях в России и за рубежом, полсотни тех, кто пытается с разной степенью успешно им подражать (главным образом их же аспирантов), еще полсотни тех, кто по уровню понимания проблем

и накопленного эмпирического материала близок к «глобализированным», но не хочет и не может учить английский и писать заявки, а следовательно не имеет никаких реальных выходов вовне. Есть еще тысяча или полторы «национальных» социологов религии, для которых «потолок» — стать главным специалистом отдела по отношениям с общественными и религиозными организациями областной администрации. Первые влияют на вторых личным примером, на третьих и «национальных» — через тексты. Но именно эта тысяча специалистов (степень реального влияния на которых «глобализированных» социологов остается довольно условной) читает лекции основной массе российских студентов, интересующихся данной проблематикой, служит экспертами для органов власти и судов, периодически собирается в провинциальных городах на какие-то конференции, а в научном плане выставляет на суд очень немногочисленных читателей «сборников тезисов ...ких чтений» тонны макулатуры, которые, впрочем, тоже являются собой часть российской научной жизни. Более того, с точки зрения количества — доминирующую часть.